

Особенности советской музыкальной медиевистики

Статья посвящена осмыслению логики развития музыкальной медиевистики в нашей стране. Основное внимание уделяется советскому периоду, когда по идеологическим причинам изучение религиозно ориентированного средневекового музыкального творчества не поощрялось. Отмечается особое значение трудов М.А. Сапонова.

Ключевые слова: *западное Средневековье, древнерусская музыка, менестрели, знаточество, концептуалистика.*

Музыкальная медиевистика в России с досоветских времен имеет своеобразие по отношению к медиевистическим школам других стран. Обусловлено оно следующими обстоятельствами. В России средневековое музыкальное наследие присутствует в живой практике (у старообрядцев), в виде древних рукописей (преимущественно русских) и в форме сведений о западноевропейском наследии [здесь мы включаем знания как собственно о Средневековье, так и об эпохе Возрождения]. Последнее – хоть и не родное, но и не экзотическое, потому что благодаря Петровским реформам русская культура усвоила наследующую западному Средневековью европейскую музыку Нового времени как свою, активно включившись в ее распространение. Появление католических культовых мелодий в сочинениях русских композиторов XIX–XX вв. – очевидное тому свидетельство.

Данные обстоятельства имеют для науки большое значение и в психологическом, и в организационном смысле. Сам факт довольно интенсивного развития музыкальной медиевистики западного направления по сравнению с аналогичными исследованиями в области китайской, арабской или индийской музыки подтверждает это.

Тем не менее работа с древнерусскими рукописями в XIX в. больше напоминает реанимационные практики солезских монахов, нежели способы изучения византийского наследия балканскими протопсалтами (к примеру, А. Панном в Румынии), поскольку для последних средневековые песнопения никогда не были архаичными и забытыми.

В России, несмотря на аналогичные интенции старообрядческих уставщиков, живая практика знаменного пения находилась далеко за пределами тезауруса музыкантов, выросших в лоне новообрядческой церкви и представляющих Древнюю Русь как нечто сопоставимое с Древней Грецией, хотя и отстоящее от их времени всего-то лет на двести. Условия сосуществования со старообрядцами были таковы, что до Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. они сами оставались для общества чем-то запредельным – странным осколком древности в современной жизни. Таким образом, изучение русского средневекового наследия для старообрядцев – практическая необходимость, для ученых новообрядческого круга – сугубо исследовательская задача.

Что касается западной медиевистики – она долго находилась в поле исключительно учебных компиляций. Наибольшие достижения XIX – начала XX вв. связаны с изучением древнерусского наследия. Труды классиков русской музыкальной медиевистики – С. Смоленского, А. Преображенского, В. Металлова, Д. Разумовского, Н. Финдейзена – составляют золотой фонд музыкальной

науки, в то время как авторы первых историй музыки, где есть разделы о западном Средневековье – А. Размадзе, Л. Сабанеева, Е. Браудо – воспринимаются сегодня исключительно в качестве деятелей музыкальной культуры конкретного времени.

С такими наработками русское музыкознание вошло в советскую эпоху. На несколько десятилетий для любых подобных исследований наступили глухие времена. Поскольку доминирует здесь церковная проблематика, медиевистика оказалась «неактуальной» надолго. Даже в 70-е – начале 80-х гг. религиозные темы во многих учебных заведениях (по крайней мере в провинции) рассматривались как сомнительный материал. Это касалось и практического музицирования, и музыковедения. В Улан-Удэ, в Восточно-Сибирском институте культуры автору настоящей статьи довелось быть свидетелем того, как руководителю учебного хора пришлось объясняться с сотрудниками госбезопасности по поводу «религиозной пропаганды». Речь шла об исполнении концерта Д. Бортнянского с оригинальным текстом. Исследования средневекового материала в таких условиях могли осуществляться весьма ограниченно. В сущности, только подвижническими трудами М. Бражникова и Н. Успенского древнерусское музыкальное наследие не было закрыто для науки до 60-х гг.

Знакомство с западным Средневековьем, хотя и не осуществлялось широко, все-таки было. Труды М. Иванова-Борецкого, Т. Ливановой, Р. Грубера, носившие компилятивный характер, тем не менее стали заметным приращением по сравнению с дореволюционными «историями музыки».

В 60-е гг. общая духовная атмосфера несколько смягчается. Возникает парадокс "оттепели". Усиление давления на Церковь после XXII съезда КПСС (вспомним, что Н. Хрущёв обещал показать последнего попа) сочетается с некоторым уменьшением ограничений на изучение культурного наследия отдаленных эпох, имеющего религиозное содержание. Станным образом музейные работники, искусствоведы, музыковеды, филологи начинают распространять знания, которые традиционно находились в ведении церковнослужителей. В этой ситуации постепенно расширяется круг людей, изучающих средневековую музыку. В Москве, Ленинграде, Киеве, Новосибирске, Владивостоке образуются кружки исследователей и древнерусского, и западного наследия. Труды выходцев из этих сообществ и сейчас определяют стратегию научных исследований. В. Протопопов и Ю. Холопов, Н. Герасимова-Персидская и Е. Герцман, Ю. Евдокимова и И. Котляревский, Н. Симакова и А. Конотоп, М. Сапонов и В. Карцовник, С. Кравченко и Ю. Кудряшов, С. Фролов и Б. Шиндин, В. Федотов, Р. Поспелова, И. Сухомлин, Д. Шабалин... Живую практику старообрядцев начинают изучать Т. Владышевская и Н. Денисов.

В 80-е гг. сообщество советских медиевистов оказывается достаточно многочисленным и заметно дифференцированным.

Основные направления исследований находятся в теоретической плоскости: проблемы нотации, ладообразования, жанровые системы, попевочные структуры, – это в первую очередь интересует музыковедов. Любопытно, что в эти годы сгладились различия в подходах к западному и отечественному материалу. Более того, в монографиях последних советских и первых постсоветских лет (подготовленных, разумеется, в советские годы) есть отчетливая тенденция к сравнению своего материала с инокультурным. Активизируются палеографические и историко-музыковедческие изыскания.

Наряду с такой «знаточеской» линией медиевистики развивается и музыковедческая концептуалистика – опыты осмысления средневековой музыки в художественных и мировоззренческих процессах своего времени (В. Шестаков, В. Медушевский, Б. Селиванов, В. Мартынов, Н. Ефимова).

Самый крупный содержательно самостоятельный труд был создан Михаилом Александровичем Сапоновым – «Менестрели» (докторская диссертация защищена в 1992 г., монография опубликована в 1996 г.) [1]. Значимость его велика именно в том смысле, что здесь раскрывается сама суть явления светского творчества, вынесенного в название, преодолеваются стереотипы медиевистики романтического времени.

Следует пояснить, что в отношении менестрельного наследия существует два подхода.

Один выработан в XIX в., он построен на отношении к письменным памятникам канонического типа, в том числе к наследию рыцарей, как к *продуктам творчества*, подобным произведениям литераторов и композиторов Нового времени. В этой концепции функционирование куртуазной культуры XII–XIII вв. представляется аналогичной функционированию сети концертных учреждений: наиболее подготовленный и высокоодаренный и грамотный композитор пишет текст произведения. Рождается оно в эпицентре художественной жизни. Оттуда посредством исполнителей произведение передается всюду, от центра к периферии. В такой концепции роль главных субъектов отведена рыцарям-аристократам, сочинявшим тексты. Они называются трубадурами, труверами, миннезингерами (показательно, что все эти термины изобретены в XIX в.). Были еще простолюдины-исполнители, не допускавшиеся в круг рыцарей и не могущие сочинять новые произведения, а только воспроизводящие сочинения аристократов. Они называются менестрелями, жонглерами, хугларами, шпильманами (вот эти наименования аутентичны рассматриваемой культуре).

Несовершенство такой концепции чувствуют сами ее создатели, так как знают, что многие аристократы – авторы песен – не были грамотными, что среди авторов немало людей, не имевших рыцарского достоинства, что многие памятники вообще анонимного происхождения, что никакого центра у рыцарской культуры не было («замок» и «рыцарский турнир» для такой роли годятся плохо). То есть соотносить это с укладом концертной жизни можно только с большой натяжкой. Однако, поскольку рыцарскую культуру изучали в основном филологи, а для них, фактически, имеет значение только письменный памятник, эти детали оставались на третьем плане. Музыковеды, хоть и со смущением, но соглашались с подходами своих коллег-литературоведов. При этом вопросы оставались и накапливались.

Другой подход возник во второй половине XX в., когда в музыковедении начинают осуществляться попытки подойти к наследию европейского рыцарства не с изложенной кодексоцентристской позиции, а при помощи методов изучения традиционных пластов культуры, разработанных в этнографии и фольклористике. Здесь подразумевается, что сохранившиеся письменные тексты совсем не есть смысл творчества. Это лишь образец записи памятника устного выступления, подобный тем, который делает собиратель в фольклорной экспедиции, хоть и с другой целью. Такой подход наиболее систематически выражен и разработан в докторской диссертации и монографии М.А. Сапонова о культуре менестрелей.

При этом подходе требуется трансформация всей системы понятий, которые применяются к рыцарскому наследию. Михаил Александрович ясно показал, что нет никакого устойчивого разделения труда между аристократом и простолюдином в художественной деятельности. Поэтому он отказывается от терминологии XIX в. и делает главным термин аутентичного происхождения – *менестрель*. Поэтому он избегает употребления слова «произведение» как несущего на себе кодексоцентристскую нагрузку, предпочитая слова «образец», «памятник» и другие. Поэтому он старается охватить в своем труде все аспекты деятельности менестрельной культуры типологически (без разделения по языкам и территориям) и обращается к самым различным источникам, как бы расчерчивая карту ареалов этой культуры, а не сосредоточиваясь на одном из них, как всегда делают филологи, зависящие от языка, на котором написаны памятники.

Безусловно, исследование Сапонова – большой вклад в отечественную медиэвистику. Подробнее о медиэвистической деятельности М.А. Сапонова см. в статье [2].

На излете советских времен начались тесные контакты наших медиэвистов с иностранными коллегами, во время которых стало очевидно, что наша наука выглядит вполне достойно в общеевропейском контексте. Провал 20–50-х гг., вызванный идеологическим давлением на все гуманитарные науки, был в целом преодолен. Когда началась постсоветская эпоха, исследователи средневековой музыки чувствовали себя на равных с европейскими коллегами, представляя интересные материалы и по западному, и по восточному средневековому наследию.

Библиографический список

1. Сапонов М. Менестрели. М.: Прест, 1996. 360 с. (2-е изд., исправ., доп. М.: Классика-XXI, 2004. 400 с.)

2. Лесовиченко А.М. Рыцарь музыкальной медиэвистики // Музыкальное искусство и культура: наблюдения, анализ, рекомендации. М.: Изд-во Акад. повышения квалификации работников культуры и туризма, 2004. Вып. 4. С. 27–33.

Lesovichenko A.M. Features of Soviet Music Science of Medieval Ages. The article considers the development of musical logic of medieval studies in our country. The paper focuses on the Soviet period, when the religiously oriented studies of medieval musical creativity were not encouraged by ideological reasons. The particular contribution by prof. M.A. Saponoff to this science area is marked.

Key words: *European Middle Ages, Old Russian music, minstrels, connoisseurship, conceptualistic method.*

Лесовиченко Андрей Михайлович – доктор культурологии, профессор кафедры «Философия и культурология» СГУПС. Область научных интересов: культурология, искусствоведение. E-mail: lesovichenko50@mail.ru